
Марина Ветрова ✦ Юнона Белова
ИЗМЕНА МУЖА.
Ты сжёг мой роман ради любовницы, но теперь весь мир узнает правду!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты сжёг мой роман ради любовницы, но теперь весь мир узнает правду!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты сжёг мой роман ради любовницы, но теперь весь мир узнает правду! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Я вернулась домой раньше и застала мужа с любовницей. На балконе догорала моя рукопись — роман, которому я отдала четыре года жизни. Муж сжёг единственный экземпляр, чтобы украсть сюжет и выпустить книгу под собственным именем.Он уверен: без доказательств я останусь никем. Но кое-чего предатель не учёл. У меня феноменальная память. Я помню каждую страницу, каждую правку, каждую строчку.А ещё в моей жизни снова появляется Даниэль — влиятельный издатель, который четырнадцать лет хранит обиду на меня.Теперь украденный роман претендует на престижную премию, мой бывший наслаждается славой, а я готовлю ответ.И пусть он попробует сжечь мою память тоже.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гора пепла 5
Глава 2. Жена-домохозяйка 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Марина Ветрова, Юнона Белова Измена мужа. Ты сжёг мой роман ради любовницы, но теперь весь мир узнает правду!

Глава 1. Гора пепла

Рейс из Казани приземлился на два часа раньше, и я радовалась этому как ребёнок. Конференция редакторов закончилась досрочно, доклад мой отгремел — впервые за семь лет не про чужие книги, а про свою, пусть и скромную, методичку. Я купила в дьюти-фри марокканский кофе, который любит Марк, и плитку тёмного шоколада — себе. Я хотела войти домой тихо, сварить кофе, разбудить его поцелуем в висок и сказать: «Я решила. Роман пойдёт в издательство. На этой неделе».

Ключ заело в замке — он всегда заедал, Марк обещал смазать и никогда не смазывал. Я вошла в прихожую — и сразу уловила дым: не пожарный, не газовый, а уютный, дачный, мангальный. Странно. У нас нет мангала. Точнее — был, на балконе, ржавая чаша, которую Марк купил на волне «мужских вечеров» и ни разу не использовал.

Потом из спальни донёсся смех.

Из спальни. Смеясь, женский голос — низкий, прокуренный, с той ленивой интонацией, которую включают люди, чувствующие себя дома. И голос Марка — мягкий, вкрадчивый, тот самый, которым он читал мне вслух первые страницы — мои первые страницы, — когда я ещё думала, что счастье звучит именно так.

Я не закричала. Я вообще умею не кричать — профессия такая. Редактор, которому приносят чужие трагедии на трёхстах листах, учится читать по краям. Я поставила сумку на пол. Кофе, шоколад — всё осталось в сумке, на донышке другой жизни.

И тогда я увидела балкон.

Мангал стоял на низком столике. Угли ещё держали жар: оранжевые прожилки проступали сквозь серый пепел, и от чаши тянуло сухим теплом. На газете лежала горка обгоревших листов. Я не сразу подошла ближе. Сначала сняла пальто, повесила его на крючок, но рукав соскользнул, и я машинально поправила его — будто порядок в прихожей мог что-то исправить.

У бумаги были знакомые следы огня: края свернулись тонкими трубочками, середина страниц рассыпалась, а на нескольких угольных полосках уцелели строчки. Я знала, как выглядят мои поля, как ложатся абзацы, где я оставляю воздух перед важной фразой. Даже в обугленном листе узнала собственную вёрстку.

Я узнала свою вёрстку.

Роман. «Той стороной ветра». Семьсот двенадцать страниц, четыре года ночей, героиня, у которой было моё сердце и не было моей трусости. Рукопись, которую я вчера — вчера! — по телефону отказалась отправлять издателю, потому что «она не готова, Марк, я не готова, дай мне ещё месяц». Рукопись, которая существовала в одном экземпляре, потому что я, дура с феноменальной памятью, считала: черновик один, зато надёжно, дома, в сейфе.

Сейф стоял открытый. Пустой. Дверца свисала, как сломанное крыло.

— Ты раньше.

Марк вышел из спальни в халате. Пояс он завязывал — вот это движение, вот эта будничность, с которой человек завязывает пояс после чужой женщины в своей постели, — оно

было хуже всего пепла. За ним, в дверном проёме, встала Кира Ланская. Я знала её: литературный редактор, острый язык, статьи о «смерти большого романа». На ней была моя шаль. Персиковая, кашемировая, с кистями — он подарил мне её на тридцатилетие, и я спала в ней, когда болела.

— Виталина, — сказала Кира и даже не пошевелилась, чтобы снять шаль. — Ну, наконец-то. А мы уж думали, ты до вечера.

— Что здесь произошло? — Мой голос был ровным. Я сама его слушала со стороны: спокойно, как на планёрке. — Марк. Что в мангале?

Он вздохнул — страдальчески, устало, как вздыхают о трудно доставшемся решении. Он всегда так вздыхал, когда просил у меня денег в долг, которые не отдавал.

— Ты сама виновата. Ты же не издала её. Ты сказала — не готова. А я… — он повёл рукой, красиво, широким жестом, как на сцене, — я не могу больше ждать. Талант не должен пылиться. Я решил — раз тебе не нужно, раз ты хоронишь текст в сейфе, как покойника…

— Ты сжёг мой роман, — сказала я. — Чтобы не осталось… — и я поняла, зачем. Не сразу поняла — сразу узнала, потому что мысль была точной, как корректура: без оригинала не доказать. Ни дат, ни файла, ни подписи. Только слово жены против слова мужа. — Ты сжёг его, чтобы он стал твоим.

— Станет нашим, — мягко поправил Марк. — Кира поможет довести текст. У неё доступ к издателям, у неё имя. А ты, Линочка, ты же у нас не тщеславная. Ты дома, за спиной. Кто-то ведь должен держать дом, пока я вершу.

Вершил. Он сказал «вершу». Кира за его спиной усмехнулась — коротко, в кулак, но я услышала.

Я подошла к мангалу. Угли ещё держали жар, и я аккуратно, двумя пальцами, взяла сверху обугленный уголёк — кусочек страницы, с уцелевшей серединой букв. «…и ветер, той стороной…» — читалось на нём. Я положила этот уголёк в карман пальто. Просто так. Как кладут цветок на могилу.

— Я запомнила его, — сказала я тихо. Не им — себе. Но Марк услышал.

— Что? — он рассмеялся, облегчённо, по-детски злорадно. — Что ты запомнила? Семьсот страниц? Линочка, милая, тебя же саму в тусовке никто не знает. Ты — жена. Ты фон. Через полгода, когда выйдет книга, тебя будут называть «домохозяйка при таланте». И всё. Живо, где твои чемоданы, Кир?

Кира прошла мимо меня в прихожую — в моей шали, с моим запахом, с её наглостью — и уже от двери бросила через плечо, лениво:

— Пепел дочисти, Марк. Утром у меня встреча в издательстве, вещь пойдёт с рук на руки.

Дверь закрылась. Марк ушёл на кухню — загремела турка, щёлкнула плита. Мой кофе. Уютный, безразличный грохот быта — как будто ничего не произошло.

Я стояла над мангалом и смотрела на гору пепла. Уголёк в кармане нагрелся от моего тела и больше не жёг.

Через шесть недель вышла новость: «Сенсация года. Роман-воскрешение Марка Перепёлкина "Черновики ветра". Издательство "Стрелец" анонсирует главный бестселлер сезона». А я сидела на чемодане в пустой комнате с разводом в паспорте, нулевым счётом и одной строчкой в статье, которую я перечитывала до дыр: «Перепёлкин женат, супруга — домохозяйка, творческой деятельностью не занимается».

В кармане моего зимнего пальто лежал обугленный уголёк страницы.

И где-то внутри, под пеплом, тлело другое: семьсот двенадцать страниц. Слово в слово.

Глава 2. Жена-домохозяйка

Письмо в издательство я писала три дня.

Я выбирала каждое слово, как выбирают слова для некролога. Я изложила всё: хронологию, показания, сам факт сожжения, характерные авторские мелочи — то, что называют «писательский почерк» и что не подделать: как я развязываю главы, как строю фразу с двойным дном, мою личную систему тире, которую мне когда-то поставил в редактуре старый мастер и которой я училась год. Я написала десять страниц и отправила в «Стрелец», в редакцию, в службу этики, самому главреду.

Ответ пришёл через девять дней. Цитирую дословно, у меня память на унижения:

«Уважаемая Виталина Андреевна! Благодарим за внимание к проекту. Ваше заявление не содержит документально подтверждённых доказательств авторства (рукопись отсутствует, электронные копии не обнаружены). Напоминаем, что брак с автором не является основанием для претензий на произведение. Желаем творческих успехов».

«Желаю творческих успехов» — от людей, которые только что напечатали мою книгу под чужой фамилией.

Марк к тому времени уже жил у Киры. При разводе он плакал — искренне, красиво, со всхлипами — и говорил: «Я не хотел, чтобы ты узнала так страшно, я хотел тебя пощадить». Пощадить. Он забрал квартиру — она была записана на его мать, я узнала это от нотариуса, — забрал машину, оформленную на него же, потому что «так было выгоднее по налогам, милая, ты же в этом не разбираешься». Я не разбиралась. Я разбиралась в героях, ритме прозы и чужих сюжетах, а свой собственный проспала, как спят на посту.

Мне двадцать шесть лет было, когда я впервые отдала ему свою страницу — рассказ, который он понёс на семинар как свой, и я промолчала, потому что любила. Тридцать — когда отдала повесть. Тридцать три — роман. Каждый раз: «это же и мой труд тоже, я же вдохновляю». Семь лет я вкладывалась в чужой талант, как в пирамиду, и в конце мне выдали счёт: ноль, дама, ваша очередь платить за выход.

Тётя Роза нашлась через подругу подруги — дальняя родственница моей бабушки, вышедшая замуж за марокканца сорок лет назад и овдовевшая в Марракеше. Когда я позвонила ей — последний звонок последних денег — она выслушала меня, крякнула и сказала: «Дитя, у меня в риаде пустует комната под лестником. Работы в городе по русскому — полно, туристы, выставки, кто им аннотации пишет? Приезжай. Только предупреждаю: кормить буду насильно».

Я улетела в феврале.

Марракеш встретил меня жаром, который стоял стеной, как открытая духовка, запахом апельсинов и дымом жаровен на площади. У ленты багажа в аэропорту я впервые за два месяца заплакала — из-за дыма. Таксист, старик с лицом, как печёное яблоко, молча протянул мне салфетку и сказал по-французски: «Маракеш лечит. Медленно, но лечит».

Риад тёти Розы прятался в медине, за тяжёлой дверью цвета охры, окованной гвоздями с большими шляпками. Дверь открылась — и на меня пахнуло мятой, кинзой и свежим хлебом. Внутри был дворик с апельсиновым деревом, фонтанчик-желоб — нет, просто желоб с водой, — и сама тётя Роза: маленькая, круглая, в цветном халате, с руками, которые не знали, что делать, когда не заняты тестом.

— Так, — сказала она, оглядев меня с ног до головы, и я поняла, что вижу человека, который читает людей, как я читаю рукописи. — Худая. Глаза мёртвые. Сидела сложа руки, пока жизнь выносили из дома?

— Я работала, — прозвучало жалко даже для меня.

— Работала — это когда тебе платят. А когда ты вкладываешься, а платят другому, — это называется по-другому. Заходи. Комната под лестником, как обещала. Ванная — общая, кофе — мой, разговоры до утра — тоже мои, терпи.

Комната под лестницей была крошечной и прохладной: узкое окно под потолком, синяя дверь, кровать скрипит, как корабль. Тётя Роза поставила у моей двери тарелку с тажином — курица, лимон, оливки, аромат, от которого у меня свело скулы, — и сказала:

— Ешь. Слёзы на голодный желудок горчат вдвое.

Я ела и плакала, и это были правильные слёзы — горячие, солёные, живые.

Работа нашлась быстро, как тётя и обещала. Я писала аннотации для галерей, переводила меню, вела переписку русского культурного фонда, у которого в Марракеше шла выставка. Платили немного, но платили — мне, Виталине Перепёлкиной, за мои слова. По вечерам я сидела на крыше риада, пила чай с мятой — «колотая, с пудрой сахара, не как в отелях», — училась отличать зов муэдзина от эха в стенах медины и хоронила амбиции. У меня получалось их хоронить: я опытный гробовщик, я семь лет хоронила их по частям.

А потом в город пришёл литературный фестиваль.

Афиши выросли на стенах медины за одну ночь — синие, с золотым арабским вензелем и русскими строками ниже: «Международный фестиваль литературы. Марракеш. Гость сезона — Марк Перепёлкин, автор бестселлера "Черновики ветра"». Ниже — фото. Он. В белой рубашке, расстёгнутой на две пуговицы, локоны, взгляд вполоборота — «писатель-воскресение», как писали рецензии. Книга держала вершину списков четырнадцатую неделю.

Я стояла у афиши на улице Моазинов, и прохожие обтекали меня, как камень. Публичное унижение прибыло по расписанию: не догнать, не отменить, не спрятаться. Он везёт мою книгу в город, где я пряталась, — везёт презентовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.